

продолжение рубрики: дурдом

197

Алексей Золкин

рассказ

День Мишани

— ТЫ СОВСЕМ идиот, да? — Сергей Витальевич изо всех сил пытался говорить спокойно. — Ты сколько уж здесь работаешь? Лет тридцать? И самим простым вещам научиться не можешь?!

— Дык, мы ж всегда так делали. — Мишаня стоял, понурив голову, в вонючей луже рядом с разбитой канализационной трубой. Сверху послышалось журчание, прямо на ноги Мишани упало то, для очистки от чего канализационные трубы и делают, полилась вода. Сергей Витальевич заорал, обращаясь уже к Вадику:

— А ты чего стоишь? Срочно закрывай все туалеты по стояку, а то вообще в дерьме потонем!

— Да, я щас! — Вадик зачем-то схватил разводной ключ и кинулся к двери.

— Не беспокойтесь, я мигом всё сделаю!

Сергей Витальевич тоже направился к выходу, громко матерясь. Мишаня, как всегда некстати, вспомнил о своей нужде:

— Сергей Витальевич, я вам завтра за свой счёт заявление написал. Дык... это как, завтра я не приду, а? Очень нужно...

Главный инженер развернулся в дверях, пристально посмотрел на Мишаню и уже без крика сказал:

— Не, ты в натуре идиот? К врачу обратись — тебе инвалидность дадут по умственной отсталости. Тогда вообще работать не придётся. Трубу разбил — так ещё и отдыхать хочешь? — Сергей Витальевич вновь сорвался на крик. — Какое тебе «за свой счёт»? Ты у меня без выходных пахать будешь, пока всё не исправишь!

И вышел, громко хлопнув дверью туалета.

Мишаня матюгнулся про себя, так чтоб не слышал никто, и начал затыкать разбитую трубу старой фуфайкой, которую специально с раздевалки притащил. Свою пожертвовал, а никто не оценит. Ну да, накосячил малость. Но

ведь, если разобраться, не виноват он. Как ведь получилось? В месте соединения начал подтекать стояк. А соединение неудобное – под самым потолком труба делала изгиб. Вот с этого колена и стало капать. Естественно, вызвали Мишаню. Он посмотрел – видимо стык разошёлся, то ли дом просел, то ли забилось в трубе чё. Ну и решил стык-то подправить, подколотив нижнюю трубу кувалдой. Кто ж знал, что чугунный канализационный стояк разобьётся на мелкие осколки. У них все трубы старые, задеть даже нельзя – ломаются. Систему всю менять надо, а не на Мишаню материться и отгул ему не давать. От обиды на несправедливость Мишаня чуть не заплакал.

Главное, всегда же так делали – кувалдой подстукивали. Вот сколько Мишаня на «Бытхиме» работал, а это без малого тридцать два года уже. Больше, чем сейчас лет главному инженеру. Тот вообще молодой – то ли 27, то ли 28. С института на «Бытхим» пришёл и попёр по карьерной лестнице. Наверняка либо за взятки, либо сынок чей-то. Уже вот – главный инженер. А сам не понимает ничего. Ни в производстве, ни так, в жизни. Всё на таких, как Мишаня, держится.

Вернулся Вадик, Мишанин напарник. С Вадиком отношения тоже не очень были... Вадик всего три года, как на «Бытхим» устроился. И сразу как-то стал вроде Мишаниного начальника, командовал им, покрикивал. Но ссориться с Вадиком было не резон – парень он деловой, борзый даже, время от времени находил какие-то шабашки, брал Мишаню с собой, копейка малая тому перепадала.

Без этой копейки – совсем бы тоскливо было. Зарплата на «Бытхиме» и так почти минимальная, да ещё часто задерживали. К тому же премию Мишаня целиком редко видел – залетал часто. Вот у других как то проскакивало, а у Мишани – никогда. Чуть выпьет на работе красненького – чисто для сугрева – сразу начальству попадётся. Другие – каждый день в умат – и ничего.

А Мишания всегда попадается. Ну, или заколет день с бодуна, бывало. Так что – какая там премия, слёзы одни. Очень нужна была Вадикова копейка. Оттого Мишания с ним и не спорил никогда.

– Чё, старый, совсем не то спорол. – Вадик глумливо улыбался. – Я думаю, Витальевич деньги за новую трубу с твоей зарплаты вычтет.

– Нет такого закона, – пробубнил Мишания. – Чтобы с рабочего человека деньги за трубу вычитать.

– А то ты, старый, законы знаешь. Завод-то частный. А ты на нём трубу сломал. Точно – вычтет Витальевич!

– Нет такого закона, – вновь пробубнил Мишания, но сам крепко засомневался. Могут вычесть, запросто могут. Тут уже всякое случалось.

На «Бытхим» Мишания устроился сантехником сразу после армии. Думал – временно, пока нормальную работу не найдёт. А – вон как оказалось... В ЖЭКи, где водопроводчики испокон века деньги зашибали, можно было только по блату устроиться. На других же заводах всё то же самое, так смысл менять? Да и не искал Мишания ничего, если честно. Платили – и ладно, коллектив хороший, есть с кем выпить. Опять же – отпуск почти месяц набегал, и путёвки в Крым бесплатно давали. Поэтому, когда начались смутные времена, и зарплата стала смешной просто, большинство рабочих поувольнялись с завода, а Мишания остался. Привык потому что. Завод простоявал месяцами, весь коллектив отправляли в неоплачиваемый отпуск. Но Мишания терпел. Людка кормила, жена. У неё то и работа всегда была, и деньги.

А потом завод какие-то олигархи купили. Броде даже американцы. И кончились простоя. Платили, правда, очень мало – на «Бытхиме» работали преимущественно пенсионеры и бывшие зеки, которых никуда больше не брали. Но платили всё-таки, пусть и с задержками. Ну, и чё дергаться тогда? Опять же – если все поувольняются – кто работать будет? Но вот штрафы новые – это да, беда. Всё начальство – молодёжь одна,

жизни не понимающая. За малейшую провинность лишали премиальных, а без них – даже на курево не хватало. Но Мишания терпел.

От невесёлых размышлений его оторвал шебутной Вадик:

– Старый, чё стоишь столбом, рот открыл. – Напарник гнусно засмеялся.
– Мысль в голову пришла? Первая за три года? Удивился приходению мысли, да? Старый, ты не стой столбом – осколки трубы выламывай вверху.

Я сейчас пластиковый кусок притащу – может, получится вставить, починить.

Мишаня полез на стремянку и начал руками выковыривать остатки разбитой трубы. Весь в осклизлом дермье перемазался, но что делать. Через полчаса Вадик притащил где-то, видать, им украшенный кусок пластиковой трубы. До конца смены напарники пытались починить изуродованный стояк. Ну, работал то Мишаня, Вадик лишь советы давал и покрикивал. Но ничего из этого плана не вышло – старая чугунная труба никак нестыковалась с новой пластмассовой. В конце дня плонули на эту затею, навесили амбарные замки на все туалеты по стояку да пошли восвояси.

Домой Мишане идти не хотелось. Да и ё дома делать? Людкины скандалы слушать? С женой Мишане то ли повезло, то ли не повезло – это кто уж как посчитает. Познакомились они через год после того, как Мишаня дембельнулся. Он уже на «Бытхиме» работал, а Людка ПТУ заканчивала, ей восемнадцати ещё не было. Мишаня высокий был, кудрявый, это сейчас у него лысина. Людка сама его на танцах в парке сняла. И сама через неделю хождения в постель затащила. Став первой Мишаниной женщиной. Да и последней, если честно.

Людка тоже сказала, что Мишаня у неё первый. Он точно не знал, не понял ничего по перву в постели. А у ребят знакомых спрашивай, как оно быть-то должно, стеснялся. Пацаны на районе болтали про Людку всякое. Многое болтали, интересно и разнообразно. Но с Людкой было хорошо – она и пожрать всегда готовит, и выпить нальёт, ну и всё остальное, само собой. Поэтому Мишаня верил Людким словам – так было удобней. И решил он на Людке жениться – где лучше-то искать!

Едва ей восемнадцать исполнилось, сыграли свадьбу. Мишаня к ней жить переехал – Людка жила с бабушкой в двухкомнатной квартире, а Мишаня – с родителями в однокомнатной.

Вначале вроде как нормально жили.

Людка ПТУ своё закончила, устроилась на стройку крановщицей. Денег получала гораздо больше Мишани, так что – хватало им. Только вот – в постели Людка ненасытная была, а Мишаня чем дальше, тем больше этими глупостями интересовалась переставал. Ему бы пивка попить, с пацанами в домино поиграть, футбол по телевизору посмотреть. И то верно – работа тяжёлая, отдохнуть хочется. А тут жена ещё пристаёт. Ну и стала Людка погуливать. Может, и раньше гуляла, да Мишаня не замечал. Но как умерла Людкина бабка, остались они в квартире вдвоём, да рабочий график стал не совпадать – прямо понесло бабу. Мишаня начал ловить её на месте преступления. Не специально, просто получалось так. Как-то пришёл домой пораньше, а там Людка с его лучшим другом кувыркается. Другу Мишаня челюсть сломал, а Людку отмудохал так, что она оглохла на одно ухо. Но через месяц вновь поймал жену, когда она пьяная и довольная выходила из овощного ларька, а таджик – торговец в одних трусах открывал ей дверь. Снова проучил, да так, что Людка попала в больницу, где провалялась больше месяца. Но заявление в ментовку писать не стала, молодец. Ментам сказала – неизвестные около дома напали и избили. А вот на третий раз Мишаня с балкона увидел, как какой-то мужик Людку у подъезда целует и лапает. И только собрался вечером научить её мужа уважать, как Людка схватила кухонный нож и страшным голосом прошипела:

– Ещё хоть пальцем тронешь – прирежу ночью. Сам не можешь – так другим не мешай, импотент несчастный!

И Мишаня сдал назад.

С тех пор жену он больше не ловил: домой раньше положенного не возвращался, с работы не встречал. Тем более, когда умерли Мишанины родители, выяснилось, что квартира их служебной была, отошла государству. Так что, в случае развода стал бы Мишаня бездомным бомжом – хата, где они жили, была на Людку записана. Проще было

считать, что Людка уроки усвоила, больше не гуляет. Ну и не знать, как она время проводит, само собой... А детей бог не дал. Да супруги и не просили особо.

Так и жили много лет. Только вот с возрастом характер у Людки портиться стал. Не, пожрать то она готовила, убиралась и стирала, конечно. Да и денег давала, когда у Мишани совсем плохо было. Только вот постоянно напоминала мужу, что никчёмный он человек, ничего в жизни не добился, ничего не может и живёт-то на белом свете только по её, Людкиной, милости. И если кончится вдруг у неё милость эта, то выгонит она его к чёртовой матери, а на улице он быстро с голода подохнет.

Мишания в ответ лишь бурчал себе под нос, что такого мужа ещё поискать надо – работает ведь, да и пьёт немногого. Но громко спорить с Людкой опасался – вдруг и вправду выгонит. Да и вообще, с годами стал побаиваться супругу. Поэтому предпочитал домой попозже возвращаться, чтоб сразу спать лечь и жениных упрёков не слышать.

Так что сел Мишания на лавочку у подъезда и стал ждать – вдруг знакомый кто пойдёт и выпить предложит. Друзей, к которым в гости запросто зайти можно, у Мишани не было. Приятели были, да. Но к ним без бутылки не пойдёшь – незачем. А с деньгами напряг, ох какой напряг! Тем более, что завтра праздник.

Подъехал на своём «опеле» сосед Андрей, сынишку из садика привёз. Мишания тут же засуетился:

– Андрюша, здравствуй. У меня вот дел нет – место твоё охраняю, чтоб было куда припарковаться. А то ведь вечер – мигом займут. А я всем говорю – сюда машины не ставьте, это Андрюхино место, законное.

– Здорово, Мишания. – Сосед руки не подал, но кивнул приветливо.

– Ух ты, бутуз-то твой как подрастает. – Мишания сделал Андрееву сыну «козу» из пальцев, тот спрятался за отца. – Богатырь растёт. Слыши, Андрюш, выручи рублей двести до получки. Я ж отдаам, ты знаешь...

– Мишания, ты в прошлый раз на не-

делю занял, вернул через два месяца, не помнишь?

– Андрюш, но ведь вернул же, вернулся. Я ж всегда возвращаю! Просто сложности были финансовые...

Андрей вынул из кармана бумажник, порылся там:

– Нет двухсот рублей, Мишания, вообще мелких нет – только крупные.

Мишания, наверное, выглядел совсем несчастным. Андрей достал неожиданно из бумажника пятисотку:

– Ладно, держи. Но чтоб вовремя вернул!

– Верну, Андрюша, верну! – Мишания не знал как ещё и радоваться своему счастью. – Вот спасибо тебе, дай бог здоровья, процветания, успехов в бизнесе, супруге кланяйся.

Жизнь заиграла новыми красками. Мишания сбежал в гастроном и купил бутылку водки. Триста с копейками оставались на завтра, на праздник. Выпить решил в подсобке у дворника Ахмета. Ахмет был замечательным собутыльником – в дворнице можно было просидеть весь вечер, налив хозяину грамм сто, не больше. К тому же дворник, плохо владевший русским языком, внимательно слушал всё, что говорят собеседники, а сам при этом всё больше молчал.

Ахмет был на месте. Впрочем, он всегда был на месте, когда не убирал двор. Мишания выставил водку. Пrijатель достал из обувной коробки несколько дешёвых карамелек и две не слишком чистых стопки. Мишания разлил, чокнулись. Ахмет чуть пригубил тёплую водку, Мишания жахнул полный стопарь, закурил и сразу начал серьёзный разговор:

– Вот ты мне скажи, Ахмет, есть такой закон – с рабочего человека за старую трубу деньги вычитать и праздника его лишать, а?

– Нет, да уж, – с пониманием ответил Ахмет.

– Вот и я говорю, что нет! – Мишания налил себе вторую стопку. – И вот шиш я завтра им на работу выйду.

Узнают путь, как без Мишани-то работать!

Домой Мишания пришёл уже ночью. Специально дождался, когда все окна в квартире погасли. Значит, Людка спать легла. Покурил ещё для страховки – четыреста водки приятно грели желудок, совсем не хотелось портить такой замечательный вечер накануне праздника Людкиными нравоучениями – пусть уж точно уснёт. Спрятал оставшиеся деньги в электрощитке подъезда: была у супруги нехорошая привычка проверять его карманы. Прокользнул тихонько в квартиру и устроился спать на диване в гостиной. Накрылся только пледом и мгновенно уснул.

Утром Мишанию разбудила, конечно, Людка. Жена уходила на работу на два часа раньше, чем Мишания. Но неизменно будила его, чтоб какую-нибудь гадость сказать.

– Ну, и где ты вчера шлялся? – традиционно начала скандал супруга. – Денег в дом не носишь, а где-то пить умудряешься? Выгоню тебя к чертям собачьим, пей хоть запейся.

– Людок, у нас на работе авария была. Стояк канализационный лопнул, всё говнищем залило. – Выдумывать какие-то истории у Мишани не хватало фантазии, поэтому, оправдываясь перед людьми, он всегда говорил правду, но не всю. – Мы с Вадиком там с потопом воевали… Я фуфайкой своей трубу заткнул.

Но доказывать что-то Людке без толку было. Во всех разговорах с Мишанией супруга специально поворачивалась к нему глухим ухом и ответы мужа попросту не слышала. Ну не стерва ли?!

– Точно выгоню к чёрту! Иди, бомжуй, козлина. – Людка распаялась всё больше. – Страшный, лысый импотент, алкоголик! Весь дермом пропах, толку ни в чём нет, прокормить себя не может, гнида. Вот на хрена мне такое счастье? Я ещё молодая, мужики засматриваются. Нормальные мужики. Уматывай отсюдова, придурок недоделанный!

– Людок, ну чё ты завелась, в самом деле? – Мишания мельком взглянул на

настенные часы, Людкины вопли остались терпеть минут пять-семь.

– Работал я вчера, не пил. Вот те крест!

Мишания перекрестился и даже поклонился в пояс – не то Богу, не то Людке. Супруга поорала ещё пять минут, пообзываила Мишанию всяко и убежала на работу. Впрочем, Людкины крики ему настроение не испортили. В первый раз, что ли? Да чуть не каждый день такое, привык уже. Наплевать и растереть. Тем более в такой праздник.

Мишания прошёл в ванную, долго брился и укладывал по лысеющей голове редкие длинные волосы. Набрызгался от души Людкиным дезодорантом вместо одеколона. Раньше у него одеколон свой был. Но как-то пришлось выпить с жестокого бодуна. А купить новый не на что было. Ничего, так даже лучше.

Затем достал из шкафа выходные джинсы «Монтана». Мишания купил их лет пять назад с какой-то шабашки и надевал только по знаменательным дням. Хорошие джинсы, как в молодости были. А потом достал из кладовки заветный праздничный пакет. Плотно свёрнутые, там лежали старая тельняшка с приколотой арабской медалью и голубой десантный берет. Испытывая приятное волнение, Мишания оделся и отправился на улицу, на поиски своих. Тех настоящих пацанов, для кого День ВДВ – самый главный день в году.

Мишания служил в десантуре. Давно, при СССРе ещё. По-правильному служил, два года, а не как эти сейчас. В Н-ской дивизии. С парашютом из самолёта прыгал шесть раз да ещё с вышки сколько-то. После учебки получил сержанта, да и остался при этой самой учебке на хоздоработах. Почти полтора года то на кухне посуду мыл, то заборы всякие красил. Ну и, конечно, молодых бойцов бил смертным боем. Чтоб знали, что такое армия. И чтоб порядок был. Так что медалька была не его – одноклассник бывший служил в Афгане сапёром, при дембеле им всем такие медальки вручили, афганско-коммунистические. Тот её носить стеснялся и при случае продал Мишани за литр вод-

ки. Впрочем, медальку арабскую Мишана тоже без дела не надевал – только на день ВДВ. Но пацанам своим, десантным, Мишана про Афган и Чечню не врал никогда, байки всякие не травил. Не такой он человек, чтоб своих пацанов обманывать. Просто всегда, когда спрашивали, где служил и откуда награда, Мишана загадочно улыбался и отвечал, что военную тайну никто ещё не отменял и есть много вещей, про которые он просто не может никому рассказывать, даже своим. Ну, не врал же ведь. Так что военное прошлое Мишани в десантных кругах было окутано тайной.

Пацанов Мишана нашёл в парке, возле аттракционов. Десятка полтора парней в голубых беретах пили пиво, обнимались и хохотали. Рано ещё, основной народ попозже подтянется. Эти – самые нетерпеливые, для кого 2 августа лучший день в году. Мишана подошёл, пацаны ему обрадовались. Некоторых Мишана знал в лицо по предыдущим встречам, с некоторыми тут и познакомился. Впрочем, имён ни старых, ни новых своих друзей не запомнил – плохая память у Мишани на имена. Да и вообще – плохая память. Да и незачем имена-то запоминать – «братуха» и «братуха», хватит для разговора. Все они десантники – братья.

Обнялись, выяснили, кто где служил. Мишана упомянул про Н-скую дивизию и военную тайну. Пацаны понимающие закивали. Большинство были совсем молодыми – год-два после дембеля. Двоим парням было около тридцати, Мишаниных ровесников не было совсем. Поэтому относились к нему здесь с двойным уважением – и старший он самый, и в грозные годы служил, значит – много всякого повидал. Кто-то протянул бутылку пива, Мишана хорошенко приложился – праздник начался.

Пошли толпой на «американские горки». Небольшая очередь тут же разошлась при приближении десанттуры.

– Чё, тётки, защитников отечества прокатите бесплатно? – сразу обратился к пожилым служительницам аттракциона один из парней.

– Ребята, нам нельзя бесплатно, начальство штраф наложит, – залепетала толстая смотрительница. – Камеры ж везде понатыканы, увидят – попадёт нам...

– Да вы чё, мы за вас жизнью рисковали, а вам карусельки жалко! – Пацаны всей толпой опрокинули металлический барьер и расселись в вагончиках аттракциона.

– Ну хорошо. – Тётка поняла, что спорить бесполезно, не уйдут. – Пристегнитесь только...

– Дура, что ли? Мы тут все с затяжными прыжками там не бздели, неужели на карусельке пристёгиваться будем?

Тётка обречённо включила аттракцион. Едва вагончики начали движение, один парень встал в люльке во весь рост, достал из-за пазухи десантный флаг и, заглушая рёв механизма, заорал «За ВДВ!» Но ускорение тут же швырнуло его на место и впечатало в сиденье. Впрочем, орать и размахивать флагом он продолжал всё время поездки. Перед самым концом забавы уже, когда вагончики стали замедляться перед окончательной остановкой, герою вновь удалось подняться в полный рост. И на повороте он вывалился из люльки и упал на землю. Едва аттракцион остановился, все десантники бросились к нему на помощь. Парень лежал на земле весь в крови из разбитого носа, рука, скимавшая флаг, была неестественно вывернута, пробив кожу наружу торчала кость. Но десантник улыбался:

– Чё, братва, показали мы им!

Подъехала «скорая», всей толпой пацана загрузили в машину. Мишана схватил за рукав врача и заорал на него:

– Вы там парня на ноги поставьте, понял? Не то придём все и по стенке размажем!

– Верно, дед! – поддержали другие десантники. – Правильно говоришь.

Врач испуганно залез в машину, «скорая» уехала.

– А с ними нельзя по-другому, – степенно ответил Мишана. – Только силу народ понимает, только страхом держать можно. А то – ишь!

Потом они гуляли по парку, встречая

своих. К полудню человек тридцать уже собралось. Пили пиво и водку. Мишаня свои деньги пока не тратил – пацаны угощали. Каждому хотелось выразить уважение самому старшему десантнику с загадочной восточной медалью на груди, наливая ему стакан. Так что к двенадцати Мишаня уже был сильно пьян.

Толпой ходили по парковым аллеям, размахивали десантными флагами, стараясь попасть полотнищем по лицу случайных прохожих. А пусть, сволочи, целуют славное боевое знамя. В разноголосицу пели песни, орали «слава ВДВ!» и «Россия, вперёд». Хватали за грудь попадавшихся на пути девчонок, даже если те были с кавалерами. Редкие полицейские стыдливо отворачивались, старательно делая вид, что вообще не замечают подгулявших воинов.

Мишаня был абсолютно счастлив. Иногда, на правах самого старшего, он строил пацанов в колонну, и они пытались идти строевым шагом, выкрикивая лозунги. Только в рядах вот этого воинского братства он чувствовал свою силу, уверенность, уважение окружающих. Ну, если не уважение, то страх. Впрочем, Мишаня разницы тут особой не видел.

Потом решили идти на главную площадь. Обычно после обеда там собирались все бывшие ВДВшники, кто этот праздник отмечал. На выходе из парка компания распалась – до центра решили добираться небольшими группами. Кто-то из парней был на машинах, кто-то двинул на троллейбус. А Мишаня и ещё пятеро совсем молодых ребят, в этом году все весной дембельнулись, решили пешком прогуляться – благо, не особо далеко.

Шли, пиво пили, о важном разговаривали. Мишаня их жизни учил, пацаны внимательно, с уважением слушали. А как же – Мишаня старший, он пожил, повидал многое. Кто ещё молодёжь уму-разуму научит? К тому же народу на улицах почти не было, народ предпочитал в день десантника без нужды на улицу не выходить. Так что – развлечений никаких, только за жизнь побазарить.

– Я вот чё, пацаны, думаю... Вот слу́чилось сейчас война – задавим всех, как два пальца об асфальт! Не фиг делать задавим! – Мишаня очень редко выпадал случай с кем-то поделиться своими geopolitическими размышлениями, оттого и использовал он эту возможность по полной.

Десантники шли мимо новенького остановочного павильона. В плексигласовой витрине красовалась реклама МакДональдса. Одинокая девушка дожидалась троллейбуса. Мишаня остановился рядом с остановкой, ткнул пальцем в рекламу.

– Во, смотрите. Вот на кой мне в России их бургера? У нас что, своей жратвы мало? Так отчего здесь картишка ихнего бутерброда, а не картошки с капустой, к примеру? А я вам скажу – чтобы мы при случае их не били, когда время придёт. Типа, привыкнем к ихним бургерам, типа, что наши они думать будем. Вот она их хитрость вылезит, от страха! Только мы на такую туфту не купимся!

Пьяный Мишаня вспомнил боевые армейские навыки и изо всех сил с разворота ногой ударил в остановочную витрину. Пластик треснул и прогнулся, стоявшая на остановке девушка с визгом убежала. А Мишаня вошёл в раж, наносил по рекламному щиту удар за ударом. Прохрипел:

– Чё встали, пацаны? Помогайте!

Парни с криками вышибли и разбили на мелкие осколки плексигласовый стенд. Затем, дружно навалились и выкорчевали из земли весь дюраплевый остановочный павильон, повалили его на бок. Пинали железную конструкцию, прыгали на ней до тех пор, пока бывшая остановка не превратились в причудливо изогнутое не-пойми-что. Тогда уставшие, но довольные двинулись дальше. Запыхавшийся Мишаня продолжал базарить за жизнь:

– А только так, пацаны, нужно, только так! По-другому никак, пацаны!

– Верно, дед! – поддержал Мишаню один из десантников.

В это время зазвонил телефон, Мишаня достал из кармана старенькую «Мотороллу»:

– Чё, старый, отдыхаешь? – раздался в трубке глумливый голос Вадика. – Готовься, Сергей Витальевич сегодня кричал, что покажет тебе, где раки зимуют!

– Да пошёл он... твой Сергей Витальевич, и ты пошёл вместе с ним, – зарорал Мишаня и выключил мобильный. Неожиданно ему в голову пришла замечательная идея. С негодованием он обратился к своим пацанам:

– А они, эти... уже начали... Вот так, потихоньку, да. Я вот на «Химбыте» работаю. Тридцать два года уже. Да... Недавно американцы, говорят, акции купили и сразу своего главным инженером поставили, во как! – Мишаня уже искренне гордился своей крутостью в разборках с главным инженером. – Мутило ещё тот. Только вот нормально наказать не получается. Выгонят ведь с работы. А у меня семья, как я её без денег оставлю?

– Дед, да ты нам его покажи, – на перебой заговорили парни. – Мы его махом уроем!

– Не, убивать пока нельзя, – раздумчиво ответил Мишаня. – Не пришло ещё время... А вот тачку ему запросто можно разбить. Надо ведь их наказывать.

– Без базара! Покажи только!

– Айда, покажу, где он паркуется. Недалеко тут до «Химбыта». – Мишаня был очень доволен своим планом и тем, как он сработал. – Только, пацаны, мне там светиться нельзя. Меня ж там каждая собака знает. Закроют...

– Да без базара, дед. – Десантники были настроены по-боевому. – Сами всё сделаем.

До «Химбыта» добежали быстро – цель была. Мишаня знал, что Сергей Витальевич паркует свой «фольксваген» не на стоянке перед проходной, где самый солнцепёк, а неподалёку у сквера в тени деревьев. И камер там нет никаких.

Едва войдя в сквер, Мишаня увидел на другом его конце начальственную машину.

– Вон она, – указал он на авто ненавистного начальника. – Только, пацаны, я дальше не пойду. Сразу меня там узнают, посадят. А кто семью кормить будет?

– Да не волнуйся, дед. – Десантники были полны боевого задора. – Мы сами сейчас всё, мигом.

Пятеро парней подбежали к «фольксвагену», запрыгнули на капот и на крышу, исполнили там некий дикарский танец. Затем разбили стёкла найденными камнями и понеслись обратно. Вся операция заняла не больше минуты. Мишаня с радостью наблюдал её с другого конца сквера. Вместе он побежал по улицам, заметая следы. Через несколько минут воины были уже далеко от «Химбыта», никто и не пытался их догнать.

– Так ему и надо! – возбуждённо галдели десантники. Затем компания направилась на центральную площадь.

У памятника героям Октябрьской революции было многолюдно. Человек сто в тельняшках и голубых беретах обнимались, кричали, размахивали флагами, изредка дрались, били об головы пустые бутылки и, разумеется, пили. Некоторые десантники были с девушками. Других посторонних на площади не было. Вдалеке маячили полицейские патрули, но приближаться не решались.

Мишаня с пацанами в этой толпе тут же потеряли друг друга. Впрочем, это не имело значения – те пацаны или эти. Не важно. Все десантники – братья. Мишаня жал кому-то руку, с кем-то обнимался, с кем-то пил. В этом десантном братстве уже попадались и Мишанины сверстники – видно, что сильно потрёпанные жизнью. Оно и понятно – не сахар жизнь-то, ох не сахар.

Неожиданно к площади подъехал джип, из которого вылез пожилой майор в новенькой парадной десантной форме. Для десантника майор был удивительно мал ростом.

– Замгубернатора, – раздался шёпот.

Высокий гость сквозь толпу направился к памятнику. За майором следо-

вали двое телохранителей с каменными лицами. Сам же он приветливо улыбался всем присутствующим, пожимал протянутые руки, обнимался со многими:

— С праздником, братишки, с праздником!

Так получилось, что замгубернатора и Мишаня столкнулись буквально нос к носу. Мишаню кто-то водкой угощал. А ему уже хорошо было, чуток даже лицу хорошо. Поэтому налил он себе в стакан буквально на два пальца и только выпить собрался, как прямо перед ним возник пожилой майор с охранниками. Мишаня даже слегка испортил воздух от неожиданности, попытался встать «смирно» и выпалил:

— Это... самое... здоровья желаю...

— Вольно солдат,вольно, — улыбнулся майор по-отечески. — С праздником братишка.

— И вам того же, — некстати промямлил Мишаня.

Замгубернатора ткнул пальцем в медаль на Мишаниной груди:

— Откуда награда, сержант?

Пацаны вокруг с интересом прислушались. Мишаня густо покраснел и с трудом выдавил из себя:

— Да я это... Того... не могу я... Тайна ведь...

Замгубернатора внимательно рассмотрел Мишанину медальку, улыбнулся заговорщицки и даже подмигнул:

— Понимаю, солдат. Молодец, верен присяге! Ещё раз — с праздником тебя!

И пошёл дальше. Мишаня облегчённо выдохнул. Раскусил его офицер, точно раскусил. Но виду не подал, не стал при пацанах позорить. Вот — нормальный мужик, свой! И такие начальники бывают, не то что на «Химбите»!

Почётный гость добрался, наконец, до памятника и начал забираться на высокий постамент. Охранники кинулись было помогать, но майор прикрикнул на них:

— Сам я, или не десантник, поващему?

Наконец, замгубернатора водрузился на гранитном основании памятника,

держась двумя руками за бронзовую ногу революционного коня и обратился к собравшимся с речью. Парни притихли, слушали человека в майорской форме

— Товарищи десантники, братья по оружию. — Майор попытался взмахнуть рукой, но чуть не потерял равновесие и вновь уцепился за лошадиную ногу. — С праздником нас! С большим, важным праздником! С днём не просто десантуры — с днём настоящих русских патриотов! С днём тех, кто не даст нашу Родину в обиду. Кто защитит наши традиции! Кто любых врагов по стенке размажет, так, что вытираять даже нечего будет! С днём ВДВ, парни, ура!!!

— Ура-а-а!!! — завопили все собравшиеся на площади: — Слава ВДВ! Слава России!!!

Мишаня орал вместе со всеми. И вместе со всеми был готов хоть прямо сейчас идти в бой со всеми обидчиками Родины и вот за этого майора, который и пошутить умеет, и слова крепкого не боится, не то, что эти. От этих надо защищать наши традиции! Что за традиции и что за духовность такая Мишаня, правда, не очень представлял. От кого от этих — тоже. Но уверен был, что вот такие майоры, правильные мужики-десантники, в нужный момент всё покажут и расскажут. А уж Мишаня не подведёт. Мишаня и другие голубые береты всех врагов по стенке размажут, это точно! Он чувствовал себя частью грозной и правильной силы, заставляющей трепетать весь мир. Той силы, благодаря которой и держится страна.

Майор спустился с памятника, на сей раз с помощью охранников. Продолжая обниматься со всеми и пожимать руки, дошёл до джипа и уехал. А пацаны выстроились в колонну и с криками двинулись по центральной улице города, печатая строевой шаг. Ну, пытаясь печатать.

Потом они с парнями гуляли по центру. Ну и пили, конечно. Причём, Мишане в этот праздник особенно повезло. Не истратив и копейки своих денег — триста рублей так и лежали в кармане —

он ближе к вечеру был настолько пьян, что даже уснул на скамейке в сквере.

Оклемался когда – уже вечер наступил. Рядом на лавочке сидели двое молодых ребят в беретах. Едва Мишаня открыл глаза, один дружески хлопнул его по плечу:

– Ну, чё, братуха, очнулся? Наши все на набережную пошли. А мы тебя решили посторожить. А то мусора, твари, загребут.

– Спасибо, парни. – Мишаня чуть не расплакался от умиления. – Менты – они могут. Им наплевать, что у людей праздник!

– Ну чё, на набережную пойдём? – спросили парни. – Или поздно уже?

– Поздно вроде, разошлись все, наверное. – Неожиданно Мишане пришла в голову мысль: – А пошли ко мне, а? Посидим, выпьем, службу вспомним?

– Пошли, братуха! Пошли, посидим! Сейчас бухла наберём...

Зашли в ближайший супермаркет, купили водки, баночного пива, закусь кое-какую. Мишаня опять не платил – у его друзей деньги были.

Потом поехали на троллейбусе, кондуктор даже и не пытался спросить деньги за проезд. К Мишанину дому подошли, когда уже темнеть начало. Дворник Ахмет мёл улицу. Один из десантников подкрался к нему неслышно и изо всех сил дал пинка. Хорошо так пнул по заднице. Ахмет выронил метлу и кубарем полетел на асфальт.

– Слыши, чурка, ты чё как плохо убираешься? – Парень явно хотел продолжить забаву. – Приехали сюда, хлеб наш жрёте, а работать не хотите? Так мы научим сейчас!

Старый дворник, не вставая с земли, скжился в комок и с удивлением уставился на Мишаню. Мишаня отвернулся – если у пацана есть к Ахмету разговор, то его это никак не касается. К тому же, да... неважно убирался Ахмет. Грязновато было во дворе. Так что правильно пацан говорит, по делу. Но тут второй из Мишаниных спутников потащил своего товарища за рукав:

– Да айда, пошли. Чё с чурбанами связываться, пошли бухнём лучше.

Втроём они направились дальше, Ахмет так и остался валяться на асфальте.

У Мишаниного подъезда парни предложили посидеть, покурить. Сели на лавочку, задымили. Пиво достали, выпили по банке. Один из пацанов скомкал алюминиевую ёмкость и, не глядя, бросил в сторону. Попал по Андрюхиному «опелью». Завыла сигнализация. Через пару минут из подъезда выскочил Андрюха, в домашних тапочках, на ходу запахивая дорогой стёганый халат. Выскочил, банку пивную у машины увидел и тут же на Мишаню набросился:

– Мишаня, ты, что ли, тут фигнёй страдаешь? Вы банку кинули, крыло поцарапали. Такое же пиво ведь пьёшь, а, не так скажешь?

– Слыши, чепушила, ты чё борзыЙто какой? – Оба Мишаниных товарища встали с лавочки и не спеша двинулись к Андрюхе. – Ты, видно, не отребал давно, а? Так сейчас быстро это исправим.

Андрюха попятился к подъездной двери, но понял, что всё равно не успеет набрать код. Мишаня несколько секунд понаслаждался страхом соседа и в последний момент, когда один из парней уже занёс руку для удара, крикнул:

– Пацаны, ладно, не трогайте его. Сосед это, Андрюха. Эй, Андрюха, иди сюда, посиди с нами, поговори.

– Да мне это, домой надо, – засуетился изрядно перетрусивший Андрюха.

– Жена ждёт, сын.

– Андрюха, хрен тебе в ухо, – возмутился Мишаня. – Тебе чё, в стыдобу с братвой посидеть? Не уважаешь нас?

Молодые десантники стояли рядом с незадачливым соседом и нехорошо улыбались. Тому ничего не оставалось, как подойти к лавочке и присесть рядом с Мишаней.

– Ты вот в каких войсках служил, Андрюха? – спросил Мишаня.

– Я... Я не служил. У меня плоскостопие. – Андрюха с трудом подбирал слова, глядя на Мишаниных друзей. – Меня комиссовали после института.

– Не служил, значит. А мы вот с пацанами в ВДВ служили, в десантуре. Родину защищали, покой ваш охраняли. А ты не служил. – Мишаня схватил Андрюху за лацканы халата двумя руками.

– Мишаня, ты чё? – пролепетал Андрюха.

– Через плечо! Не служил он! Мы из-за таких, как ты, жизнью рисковали, себя не жалели! Ты знаешь, что такое затяжной прыжок, а? А чё ж ты мне тут понты колотишь? – орал Мишаня в лицо соседу, брызгая слюной.

– Мишань. Да ты что завёлся-то? – Андрюха был сильно напуган. – Я ж ничего, сигналка ж сработала...

– Не служил он! Пошёл отсюда, гнида тыловая. – Мишаня, наконец, отпустил Андрюху, и тот бегом скрылся в подъезде. – Только так с ними, пацаны, надо! Только так! Ну чё, пошли у меня посидим?

Десантники допили пиво, докурили и пошли к Мишане.

Дверь открыла Людка. Недовольная, само собой. И сразу начала:

– Опять пьяный! Да ещё и мальчишек молодых каких-то притащил! Я кому утром сказала – уматывай отсюда!

Мишаня молча изо всех сил удариł жену кулаком под дых. А когда она сгиганась от боли, двумя руками ухватил за затылок и шарахнул ей коленом по лицу. Кровь у Людки потекла из носа фонтаном. Она упала на пол, Мишаня взял с полки её сотовый телефон и швырнул его об стену. Трубка разлетелась на мелкие детали. Мишаня приподнял заливающуюся кровью Людку за волосы и грозно прошипел:

– Быстро свалила к себе в комнату. Только высунись оттуда – урою.

Людка, держась за стену, ушла в

далнюю комнату и закрыла за собой дверь. Всё заняло минуту, не больше. Пацаны были откровенно удивлены. Один вроде как застуился за Людку:

– Миха, ну ты чего. Баба ведь. Нельзя так...

– Нормально всё, пацаны. Не боись, только так с ними и надо. За дело проучил, есть за что. Итак всю жизнь на моей шее, а тут – иши!

– Ну, как знаешь... Твоя жизнь.

Потом они пили водку, вспоминали службу, пели армейские песни. «В Афганистане, в чёрном тюльпане, с водкой в стакане...» Клялись друг другу в вечной дружбе, жаль, Мишаня так и не запомнил, как пацанов зовут. Среди ночи пытались кулаками разбить кухонную табуретку, а потом – разделочную доску. Показывали друг другу хитрые приемы рукопашного боя.

Людка из комнаты даже не высовывалась. Пойдя в туалет, Мишаня поскользнулся на Людкиной крови и хотел в наказание ещё отметить супругу, но пацаны отговорили. Братья-десантники ушли домой глубокой ночью.

Как был в одежде и в обуви, Мишаня плюхнулся на диван. Засыпал он абсолютно счастливым. Неважно, что будет завтра. Может, Людка напишет заявление в ментовку и Мишаню посадят. Может, разозлённый на жизнь Сергей Витальевич выгонит по статье с работы за прогул. Может, Вадик, тот ещё сучонок, подговорит дружков многочисленных своих избить Мишаню, за то, что послал. Может... А может, и нет... Наплевать и растереть. Главное, что сегодня был его, Мишанин день!

А ещё – не потраченные триста рублей по-прежнему лежали в кармане. Значит, и завтра всё будет хорошо!